

Р. А. Аюпова

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭМОТИВНОСТЬ
В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ И В КОНТЕКСТЕ
(на материале английского, русского и татарского языков)**

Статья посвящается изучению эмотивного компонента фразеологической коннотации. Основываясь на авторитетных мнениях таких ученых, как Н. Ф. Алефиренко, Е. Ф. Арсентьева, В. Н. Телия, А. В. Кунин и др. и на собственных исследованиях, нами определяется место эмотивного компонента в сложном конгломерате фразеологического значения. Далее дается описание презентации фразеологической эмотивности на лексикографическом материале английского, русского и татарского языков, акцентируя внимание на необходимости помет в словаре об этом аспекте фразеологического значения.

Р. Аюпова

**PHRASEOLOGICAL EMOTIVENESS
IN LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION AND CONTEXT
(based on the English, Russian and Tatar languages)**

The article deals with the emotive component of the phraseological connotation. On the basis of the conclusion drawn by such eminent scholars as N. Alefirenko, E. Arsent'eva, V. Telia, A. Koonin and our own research we distinguish the place of the emotive seme in the complicated conglomeration of the phraseological meaning.

Furthermore, the description of the phraseological emotiveness presentation in the English, Russian and Tatar dictionaries is given. The necessity of giving emotiveness code in the dictionary is explained also by the fact that phraseological emotiveness may undergo different changes in its use in contexts. Moreover, the occasional seme of emotiveness may become a usual one.

В современной лингвистике уделяется достаточно большое внимание изучению коннотативного аспекта значения языковой единицы. При всем многообразии подходов к изучению коннотации лингвисты почти единодушно называют коннотацию дополнительным, вторичным аспектом по отношению к денотативному аспекту. По мнению чешского ученого Дж. Вашека, все составляющие семантического значения одинаково важны для коммуникации, однако в зависимости от конкретного коммуникативного намерения семантическая доля каждого из них то увеличивается, то уменьшается. Поэтому он считает, что более объективно было бы говорить о таксономии компонентов, а не об их иерархии.

По определению В. Н. Телии, «коннотация – семантическая сущность, узуально и окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотив-

но-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект»¹.

Мнение А. В. Кунина по этому поводу очень близко к мнению предыдущего автора. Он считает, что коннотация не накладывается на основное содержание фразеологизма, как утверждают некоторые ученые, а находится в сложном единстве с ним, так как «существует не только рациональное, но и тесно с ним связанное чувственное познание действительности»². По мнению этого автора, коннотативный макрокомпонент фразеологического значения (далее ФЗ) включает в себя эмотивный, экспрессивный, функционально-стилистический и оценочный компоненты. Мы считаем мнение А. В. Кунина в определении места коннотативного макрокомпо-

нента и отдельных его составляющих в структуре семантики ФЗ наиболее научно обоснованным.

В этой работе более детально рассматривается эмотивный компонент коннотации. Одним из основных методов, использованных в нашем исследовании, является сопоставительно-типологический метод. Материал для анализа (фразеологизмы и контексты с их употреблением) отбирался методом сплошной выборки. Для определения места эмотивного компонента в семантической структуре ФЗ и разграничения этого компонента с другими применялись метод семного анализа, фразеологической дефиниции и компонентного анализа. Способы реализации фразеологической эмосемы в контексте изучались с использованием метода контекстуального анализа.

Еще Ч. Дарвин писал, что у человека не может быть эмоций, не связанных с мышлением, для него характерно эмоциональное мышление. Под последним известный ученый имел в виду такой психологический процесс, содержанием которого является потребность выразить эмоции, связанные с квалификативной деятельностью человека. Все, что представляет для нас хоть малейший интерес, вызывает в нас особую, пусть даже незначительную, эмоцию.

Эмотивность — это «эмоциональность в языковом преломлении, т. е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека»³. Однако рассматривать эмотивный компонент в изоляции от других компонентов лексического значения слова, и прежде всего от денотативного, было бы методически и методологически неверно, так как «никакой элемент системы языка не может быть надлежащим образом оценен, если не принимаются во внимание его отношения с другими элементами той же самой системы»⁴.

Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых отмечают высокий прагматический потенциал фразеологической единицы (далее ФЕ).

Они считают возможным условное разграничение языковой и речевой коннотации. При этом в составе языковой коннотации ФЕ ими выделяются эмотивный, оценочный и стилистический компоненты, а в речевой коннотации ФЕ — экспрессивный, образный и стилистический компоненты⁵.

По мнению В. И. Шаховского, эмотивное значение вряд ли может существовать в чистом виде, оно является лишь компонентом смыслового содержания языковой или речевой единицы, «окрашивающим эмоциональностью ее самостоятельное значение»⁶.

На основе общеизвестного деления человеческих эмоций на два класса — положительные (мелиоративные) и отрицательные (пейоративные), Е. Ф. Арсентьевой разработана шкала, на которой расположены десять эмосем в следующей последовательности: ласкательности, шутливости, иронии, неодобрения, пренебрежения, предосудительности, презрения, уничижительности, грубости, бранности. Автор дает подробное описание каждой из этих эмосем, при этом отмечая, на каком отношении субъекта к предмету или лицу, о котором идет речь, каждая эмосема основана.

Этот автор также пишет о подвижности эмосем, особенно тех, которые в приведенной шкале располагаются рядом, и об их адгерентности, т. е. возможности появления другой семы или замены эмосемы в контексте в зависимости от интенций автора. Е. Ф. Арсентьева выделяет четыре основных критерия формирования эмосем: критерия компонентного состава, оценочности ФЕ, семантического и экстралингвистического.

Авторы «Оксфордского словаря английских идиом» А. П. Кови, Р. Макин и И. Р. Маккейг считают, что только «определённые идиомы служат для выражения эмоционального состояния и / или выражения неодобрительного или пренебрежительного отношения к людям, событиям, о которых идет речь»⁷. Ими выделяются три группы идиом подобного рода:

1. Идиомы, выражающие раздражение, гнев говорящего и / или оскорбительное или презрительное отношение к другим. Они считаются табу, так как в них упоминается бог, или органы выделения и половые органы. В качестве примера авторы приводят следующие ФЕ *God damn (it) (taboo) черт возьми!, проклятие!, тьфу, проклясть!; get stuffed (taboo) заткнуться.*

2. Идиомы, выражающие унижительное или пренебрежительное отношение к предмету или человеку, о котором идет речь, например: *a flea pit derogatory дешевый театр, кинотеатр, the rag-tag and bobtail (of smth) (derogatory) сброд, подонки общества, отбросы.*

3. Идиомы, выражающие легкую иронию и насмешливое отношение к человеку или предмету, о котором идет речь, например: *a shrinking violet (facetious) стеснительный человек, человек, неуверенный в себе; the object of one's affection (s) (formal) предмет обожания (чей-либо).*

Таким образом, согласно А. П. Кови, Р. Макин и И. Р. Маккейг, пометы (taboo) – табу, (derogatory) – пренебрежительный, (facetious) – шуточный, использованные в их словаре выражают эмотивную сему заглавной ФЕ.

Как уже отмечалось ранее, ФЕ отличаются от других языковых единиц тем, что они больше выполняют прагматическую функцию, чем номинативную. Поэтому эмоционально-оценочный компонент играет особо важную роль в структуре ФЭ. Следовательно, он должен быть соответствующим образом представлен в лексикографическом описании ФЕ в словаре. Определяя место эмотивного компонента в словарной статье, нельзя не отметить, что он, несомненно, в определенной мере выражается и дефиницией. Однако это лишь косвенное выражение, в зависимости от своей компетенции, взглядов на жизнь: у пользователя может быть свое мнение, отличное от общепринятого в данном обществе. Поэтому в наиболее авторитетных словарях эмотивный компонент выражает-

ся пометами, в которых называются конкретные чувства, выраженные данной ФЕ.

Поскольку любой словарь является достоянием того или иного языкового общества (а двуязычный словарь – двух языковых обществ), он должен выражать общепринятое в данном обществе мнение. С этой точки зрения очень важно, чтобы была определенная система представления каждого компонента ФЭ в словарной статье. Выработка единой системы и общих требований к каждому элементу семантизации ФЕ в словаре способствовала бы повышению качественного уровня фразеологических словарей. Наличие общих критериев оценки, объема и достоверности информации о каждом компоненте ФЭ, в свою очередь, препятствовало бы появлению некомпетентных словарей.

По мнению А. В. Кунина, в англоязычной лексикографии и фразеологии недостаточно разработаны пометы, так, полностью отсутствуют пометы положительной оценки. Отрицательная оценка обозначается пометой derog. (= derogatory). А. В. Кунин считает, что некоторые ФЕ с отрицательным эмотивным зарядом помечаются также impol. (= impolite) – невежливое, taboo – табу, vulg. (=vulgar) – вульгарное.

Правоту русского ученого, изучавшего английскую фразеологию, подтверждают наши исследования. Так, «Оксфордский словарь английских идиом» вышеупомянутых авторов, по их же мнению, содержит только две пометы эмосемы (derogatory) и (facetious). «Словарь американских идиом», составленный Адамом Маккеем, содержит помету vulg. (=vulgar), что, по мнению автора, выражает эмосему. В словаре американских идиом Ричарда Спирса, нет ни одной пометы, представляющей эмотивный компонент ФЭ. То же самое можно сказать о словаре американских идиом, составленном А. Маккеем, М. Ботнером и Дж. Гейтсом. Следует также отметить, что все эти авторы известные лексикографы с большим опытом работы.

По нашему мнению, пометы vulgar, и taboo нельзя считать элементами описания эмосемы, как о них пишет А. В. Кунин. Мы считаем, что эти пометы несут информацию о функционально-стилистической принадлежности ФЕ.

В фразеологическом словаре русского литературного языка конца XVIII–XX вв. использованы следующие пометы, представляющие эмотивный компонент ФЗ: ирон. – ироническое, шутол. – шутовское, шутол.-ирон. – шутовско-ироническое, уничиж. – уничижительное, бран. – бранное, неодобр. – неодобрительное, пориц. – порицательное, предосуд. – предосудительное, презр. – презрительное, пренебр. – пренебрежительное.

А. И. Молотков во фразеологическом словаре русского языка посчитал необходимым выделить те же самые пометы, фиксирующие эмотивные семы, что и в вышеуказанном словаре, за исключением помет уничижительности, порицания, предосудительности. Следует также отметить, что в этом словаре крайне редко (меньше чем у 1% ФЕ) указана эмотивная сема.

В татарском фразеологическом словаре, составленном Н. Исанбетом, наблюдается использование следующих помет эмосемы: ирк. – иркэлэп (ласкательности), ирон. – ироник (ироничности), карг. – каргап (проклятия), кимс. – кимсетеп (пренебрежения), көл. – көлөп (неодобрения), макт. – мактап (одобрения), мыск. – мыскыллап (презрительности), туп. – тупас (грубое), хурл. – хурлап (уничижительности), шаярт. – шаяртып (шутовское), эрл. – эрлэп (бранное).

Обращает на себя внимание использованная в татарском словаре помета карг. – (каргап), выражающая эмосему проклятия, которая не выделяется в фразеологии двух других языков. Такие фразеологизмы, как *отсохни <у меня> руки и ноги, отсохни <у меня> язык* в фразеологических словарях русского языка представлены как клятвенные заверения, тогда как в татарском языке близкие по компонентному составу ФЕ представлены как проклятия *кулы корысын (ко-*

рышсын) карг., теле коргыры карг., буквальный перевод которых был бы ‘пусть отсохнет рука (кого-нибудь)’, ‘пусть отсохнет язык (кого-нибудь)’, соответственно. В речи эти ФЕ могут также употребляться, как и вышеупомянутые ФЕ русского языка, в качестве клятвенных заверений в форме *кулым корысын эгэр, телем корысын эгэр*. Также нужно отметить, что русские фразеологизмы *отсохни <у меня> руки и ноги, отсохни <у меня> язык* могут быть употреблены в виде проклятия *отсохни у него \нее руки и ноги, отсохни у него \нее язык*.

В англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина обнаружены следующие пометы эмосемы: бран. – бранное, груб. – грубое, ирон. – ироническое, ласк. – ласкательное, презр. – презрительно, пренебр. – пренебрежительно, шутол. – шутовское. Ими наделены не больше 7–9% всех ФЕ, представленных в словаре.

В русско-английском фразеологическом словаре Е. Ф. Арсентьевой использованы пометы эмотивности, которые соответствуют эмосемам, выделенным ученым в ее диссертационном исследовании. Этот словарь отличается тем, что в нем даны описания эмосемы наибольшего количества ФЕ (25–30%).

Согласно результатам наших исследований, эмотивный компонент фразеологической коннотации и способы его лексикографического описания лучше всего изучены в русской фразеологии. Также нужно отметить большую системность его представления в словарях русского языка.

Наши исследования касались не только языковой стороны данного компонента ФЗ, анализу подверглись и способы реализации эмосемы в контекстах разного характера как по форме (устная и письменная), так и по жанровой принадлежности (литературный, публицистический, разговорный). Приведем несколько примеров.

Keep somebody at a distance – держать кого-либо на известном, почтительном расстоянии от себя; избегать сближения с кем-либо.

I always tried to keep an emotional distance from victims, just so I could remain objective, but this time I found myself really down to Sarah. (Cosmopolitan. February, 2006. The city, where my sister's life could have been saved. Gemma Faruqi).

ФЕ, употребленная в приведенном контексте окказионально, так как наблюдается вклинивание прилагательного *emotional* перед компонентом-существительным *distance*, по своему словарному значению наделена адгерентной эмотивностью. В данном случае речь идет о журналисте, который пытается держаться на определенном расстоянии от тех, у кого берет интервью, для того, чтобы выразить объективную точку зрения. Поэтому в этом контексте ФЕ реализует положительно-оценочную эмосему одобрения.

And when England was not tearing into the lumbering Spanish colonial monster, Holland and France were on the job. (W. Foster "Outline political history of the Americans, ch. 9).

У ФЕ *on the job* – 'очень занятый, находящийся в движении, в действии; проворный, шустрый', употребленной в данном контексте, как и у всей группы единиц со значением «работать, быть активным», можно выделить положительно-оценочную эмосему одобрения. Однако в этом контексте она употребляется в значении «терзать» и соответственно приобретает отрицательно-оценочную эмосему предосуждения.

Она любила это место до самозабвения, больше самих хозяев. Это хорошо знали, и относительно Лары существовал на случай этих летних поездок такой неписанный договор. Когда привозивший их жаркий и черномазый поезд уходил дальше и среди воцарявшейся безбрежно-обалделой тишины взволнованная Лара лишилась дара речи, ее отпустили одну пешком в имение (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

ФЕ *терять дар речи* адгерентна по словарному значению, в приведенном контексте потеря дара речи произошла от положительных эмоций, поэтому в данном слу-

чае можно говорить о реализации положительно-оценочной эмосемы одобрения.

Кабы сейчас не эта гидра гражданская, моровая контра, нешто я стал бы в такую пору на чужой стороне пропадать? Черной кошкой классовую она промеж нас пробежала и вишь что делает! (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

В приведенном контексте употреблена ФЕ *черная кошка пробежала* в авторски трансформированном виде: двойное вклинивание (лексема «классовую» и местоимение «она»), разрыв и изменение структуры в виде изменения субъекта действия, в результате чего «черная кошка» вместо именительного падежа употребляется в форме творительного падежа. В словаре приведены «между кем» как слова, как правило, сопровождающие эту единицу в контексте. В приведенном примере предлог «между» заменен формой «промеж», которая в семнадцатитомном словаре русского языка отмечается как устаревшая и просторечная. Все эти контекстуальные трансформации не могли не сказаться на коннотативном макрокомпоненте ФЗ, затронув также и эмосему. Если по словарному значению можно выделить эмосему неодобрения у данной единицы, то в данном контексте ФЕ реализует эмосему презрения, чему способствует отношение персонажа, употребившего ФЕ, к гражданской войне, речь о которой и идет в контексте. Такое изменение эмосемы обусловлено авторскими трансформациями, которые, в свою очередь, обусловлены авторской интенцией, подтвержденной фоновой информацией об описываемом периоде исторического развития нашей страны.

Наш анализ механизмов реализации эмосемы в контексте, проведенный на материале более чем 3000 примеров из трех языков, свидетельствует о том, что адгерентная эмосема обязательно в тексте реализуется в форме какой-нибудь положительно- или отрицательно-оценочной эмосемы. Положительно-оценочная или отрицательно-оценочная эмосема, определенная

словарным значением ФЕ, в подавляющем большинстве случаев и реализуется в контексте без изменений, однако немало случаев, когда под воздействием контекста происходит смещение эмосемы по шкале в сторону усиления или ослабления положительных или отрицательных эмоций. В редких случаях ФЕ может реализовать эмосему противоположной оценочности. Этому могут способствовать: фразеологический актуализатор, общая семантика контекста, макроконтэкста в виде полного сюжета самого произведения или контекст, выходящий за рамки вербального, включающий эмпирические знания читателя (слушающего).

Исходя из наших наблюдений за способами реализации эмотивного компонента ФЗ в контексте, мы можем утверждать, что отражение данного компонента в лексикографическом описании дает возможность, с одной стороны, более детально

изучать его речевое поведение, с другой стороны, при всем многообразии способов его речевой реализации, иметь его эталон в форме его лексикографического описания. В случае если изменения эмосемы в речевом употреблении перейдут в ее языковую характеристику, остается возможность наблюдать за изменениями, которые происходят в значении ФЕ с течением времени. Поэтому бесспорна необходимость отражения эмотивного компонента ФЗ в его лексикографическом описании как для диахронического, так и для синхронического подхода к изучению фразеологического фонда языка.

Необходимо отметить особое значение лексикографического описания данного компонента фразеологического значения в двуязычных словарях, где заглавная ФЕ представляется иноязычному пользователю. Ему сложно бывает понять всю суть ФЗ только по его дефиниции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных языковых единиц. — М.: Наука, 1986. — С. 34.

² Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. — М., 1996. — С. 177.

³ Там же. — С. 178.

⁴ Vachek J. The Linguistic school of Prague: An introduction to the theory of Practice / J. Vachek. — London, 1966. — P. 54.

⁵ Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (В аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): Монография / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. — Астрахань, 2004. — С. 167.

⁶ Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учеб. пособие к спецкурсу / В. И. Шаховский. — Волгоград, 1983. — С. 10.

⁷ Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford Dictionary of English Idioms. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — P. XI.

⁸ Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: Дис. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук / Е. Ф. Арсентьева. — Казань, 1993. — С. 98.